

Маргарита Тодорова Терзиева,
доктор педагогических наук, профессор,
Университет им. профессора Д-ра Асена Златарова
(Бургас, Болгария), e-mail: mater@abv.bg

Страшные истории и обучение родному языку в дошкольном возрасте

В статье описывается авторская методика работы со страшными историями в непреднамеренных ситуациях при обучении болгарскому языку и литературе детей дошкольного возраста. Подобное исследование проводится в Республике Болгария впервые. Учитывается обстоятельство, что страшные истории не имеют места в официально регламентированной практике, и они ограничены сферой неформального общения между детьми. Исследование доказывает, что данные истории имеют нераскрытый эстетический и литературно-методический потенциал. Полученные результаты дают основание для утверждения, что страшные истории являются точкой отсчета для сродных исследований в области педагогики и детского словесного творчества.

Ключевые слова: страшные истории, репертуар, дошкольный возраст.

Margarita Todorova Terzieva,
Doctor of Pedagogy, Professor,
Assen Zlatarov University
(Burgas, Bulgaria), e-mail: mater@abv.bg

Horror Stories and Native Language Teaching at Pre-School Age

The paper describes an approach developed by the author to using horror stories in unrehearsed situations in teaching the Bulgarian language and literature at pre-school age. The present research is the first of this kind in Bulgaria. It takes into account the fact that horror stories have no place in the officially prescribed language practice and their use is limited to informal communication among children. The research shows that they have an unrevealed aesthetic and educational potential. The results obtained give reasons to claim that horror stories are a starting point for analogous research in the area of pedagogics, psychology and children's creative language practice.

Keywords: horror stories, repertoire, pre-school age.

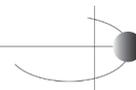
Появление страшных историй в процессе коммуникации между подростками учтено ещё «фольклорным человеком», который, однако, не мог принять окончательное решение об их праве жизни в детском коллективе. Сегодня внимание ряда учёных привлечено этим определенно провоцирующим мироощущение малышей жанром.

Анализируя сочиняемые и распространяемые детьми истории, болгарская исследовательница Елена Савова разграничивает несколько подвидов: страшные истории; криминальные истории; суеверные истории. Автор обращает внимание на специфику в их распространении в соответствующих возрастных группах: суеверные и криминальные истории могут быть записаны и у взрослых, а страшные истории бытуют в детском коллективе (6–16 лет). С помощью студентов она проводит исследование среди самых активных их носителей – учеников прогимназического курса. Её мнение, что в дошкольном возрасте страшные истории не рассказываются. Без опроверже-

ния её утверждения, мы подчеркнем, что их бытование в этом возрастном отрезке является фактом, хотя страшные истории в детском саду иногда являются гиперболизированными действительными случаями, в которых дети являются участниками. Другая их часть не претендует на достоверность, а является пересказом фильмов ужасов; компиляцией между услышанным и увиденным на телевизионном экране; фантазии, которые не основываются на достоверном переживании.

В принципе «пугливые истории» редко разделяются с представителями других возрастных групп. Обычно дети дошкольного возраста рассказывают их только ровесникам и очень редко – родителям или учителю, которому доверяют. Исследователь прослушивает такие рассказы на кассетной записи, которой предшествует предварительная подготовка, осуществляемая в нескольких этапах:

– беседа о страхе после прослушивания сказки «Молодец, который не знал, что такое страх» в обработке Н. Райнова;

- индивидуальные разговоры с детьми, которые делятся, как испытывают страх;
- приглашающая и предрасполагающая реплика: «Расскажи мне о своём страхе, и я тебе расскажу о моём»;
- констатация наличия страшных историй в репертуаре конкретных детей;
- их записывание с чётким согласием ребёнка.

Осуществленные записи мы публикуем после устранения языковых и стилистических неточностей, сохраняя логическую непоследовательность в изложении. Из соображений этичности будем отмечать только пол ребёнка (М) и (Ж), а также и его возраст – 6 лет; 6,5 лет; 7 лет.

№ 1 Ж 6,5 лет. Я был на прогулке со своей собакой. На нас напали четыре волка и собаку съели, а меня отвезли в одну палатку и там меня съели. Было очень страшно. Мама меня искала. Она пошла в лес и на неё напали пять волков... и съели ее. И потом ничего не осталось от моей семьи. И тогда пошли съесть других, потому что пищи им не хватило. Остался только один маленький волчонок, который был голоден. Он пошел искать пищу, но пошел прямо к одной собаке. Собака стала лаять на него и съела его.

№ 2 М 6 лет. Жил когда-то один скелет, у которого глаза горели, как искры. Из его рта выходил огонь. Сказав одни волшебные словечки, он завораживал людей своими глазами. Потом они целиком внутри превратились в огонь, превратились в скелеты. И животные стали скелетами. И весь город превратился в сотни скелетов. Немного осталось людей в домах. Завороженные ходили искать людей и люди прятались, а увидев их, умирали со страху.

№ 3 М 6 лет. Я смотрел два фильма, которые очень напугали меня. Первый с одним внеземным с палкой, которая обладает магическими способностями. Село это внеземное на человеческую планету, направило палку на одного человека, и он испарился. Потом услышало это одно радио и решило, что музыка ему нравится. Вошло в радио и пустило эту музыку.

№ 4 Ж 7 лет. Я раньше, когда спала, мне приснилось, что на нашей террасе есть какой-то дух, который был настоящим – белого цвета, с черными глазами (отказывается продолжить рассказ).

№ 5 М 6,5 лет. Мне страшно, когда я играю в гонки с братом. Стараюсь, чтобы

он ко мне не прикоснулся, потому что всё равно, что какое-то чудовище преследует меня. Чудовище как вампир – с большими зубами, пьёт кровь.

№ 6 М 6,5 лет. Мне снилось, что я в одной большой тёмной комнате и там есть духи. Там были и разные призраки, чудовища.

Мне снилось, что я в одном страшном селе. Там живут только чудовища. Они пришли ко мне, и я испугался. Они прикоснулись ко мне, и я превратился как они. Потом встал и стал ходить по сёлам искать кого-то помочь мне. Никто не смог помочь мне, и я пошел в горы. Там увидел один дворец. Он был окружен водорослями, возле него летали летучие мыши. Войдя туда, я увидел чудовища, которые танцевали.

... Мне страшно одному ходить в туалет.

Не пробуя рассказывать, другие дети делились своими страхами от плохих мутантов; от драконов «любого вида»; запертой двери; темноты; пустой квартиры; человека в маске; хищного медведя; злой собаки; вампира, «который приходит выпить кровь бабушки» ... Учителя, делающие записи, регистрируют и другую важную особенность: часто предмет разговора оставляет отпечаток на их поведении – они говорят быстрее обычного, крутят пальцы на своих руках, дышат учащённо, изменяют свою интонацию. Эти рассказы существенно отличаются от «настоящих» страшных историй, как «Женщина в перчатках», и с методической точки зрения мы позволяем себе предложить классификацию, которая даёт возможность сгруппировать их следующим образом:

1. В зависимости от объекта, который провоцирует страх:

а) пугливые истории о животных – о волке, о собаке;

б) пугливые истории о темноте, которая «материализуется»;

в) пугливые истории о демонологических существах – о вампирах, духах;

г) пугливые истории с «продуктами» более нового времени – внеземные, мутанты.

2. В зависимости от источника страха:

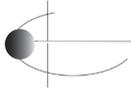
а) личное переживание;

б) фильм ужасов;

в) услышанная от ровесника история.

3. В зависимости от авторской инвенции:

а) репродуктивными являются рассказы под влиянием увиденного по телевидению и услышанного от других детей;

б) «оригинальными» и «достоверными» являются рассказы о собственных переживаниях, где иногда ребёнок допускает преувеличения.

В созданных старшими детьми страшных историях, согласно определению Е. Савовой, «совершители являются продуктом фантазии. В их основе лежат метафора и синекдоха» [3, с. 141]. В этом смысле к ним больше всего приближается история № 2, а остальные как будто имеют смысловую нагрузку, навеянную суеверными и криминальными мотивами. Нам не следует, однако, забывать, что 6–7-летний возраст не является продуктивным периодом для создания страшных историй, а является временем их распространения среди малышей, которые являются воспринимающими, а не авторами этих историй.

Наверное, психологи поищут в страшных историях признаки зоофобии, клаустрофобии и других отклонений, наблюдаемых у детей дошкольного возраста. Некоторые педагогические теоретики, вероятно, обнаружат связь между этими историями танато-играми, где отдаётся почет погибшим домашним и уличным любимцам путём особенных ритуалов, к которым взрослый не допускается. Толкования З. Фрейда о сне тоже могут стать отправной точкой интересных исследований, которые, однако, остаются за пределами нашего исследования. Собирая, возможно, самым деликатным образом необходимый нам эмпирический материал, мы предлагаем систему словесных способов преодоления негативных реакций, вызванных восприятием страшных историй в дошкольном возрасте.

Наблюдательность педагога помогает ему установить их наличие в коммуникационном обмене группы. В дальнейшем у него три возможности выбора: сделать «табу» теме; игнорировать её, пробуя показать, что не замечает существование страшных историй и их распространение среди детского коллектива; поискать причину их появления и по возможности локализовать её. Современный учитель не обладает «комплексом страуса», поэтому он вряд ли обойдёт страшные истории. С другой стороны, половинчатость при втором выборе тоже делает его позицию неудовлетворительной. В большинстве случаев он выбирает негласно третий подход.

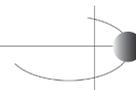
Иногда семейное неблагополучие рефлектируется ребенком и находят отражение в его поведении. Его психическая установка помогает допустить в своё сознание страшные истории и стать их распространителем. Учитель может занять его внимание и воображение далеко более безопасными проявлениями.

Телевизионные фильмы и видеокассеты часто ускользают от родительского контроля. Дети дошкольного возраста получают доступ к фильмам ужасов, делая их лабильными, подрывая их хрупкое психическое равновесие, вызывая страх или агрессивность. На самом деле, этот процесс является управляемым, несмотря на смехотворные утверждения распространителей о чётких указаниях на возраст воспринимающих на обложках кассет. До этого момента нет санкционированных кабельных каналов, которые вещают неподходящие для детей фильмы в ранние послеобеденные часы и таким образом превращают их в свою невольную аудиторию.

Даже, если остановится на этом, педагог уже сориентировался в индивидуальной проблеме заторможенного или перевозбуждённого ребёнка, возможно, он дал совет родителям обратиться за помощью к специалисту. У него, однако, прекрасная возможность взять всё в свои руки, пользуясь своими интуицией и знаниями. Средство для преодоления страха следует искать в самом детском фольклоре. **Антипугливые истории** успешно выполняют эту роль, вызывая детский смех, по причине комического несоответствия между страшно подводящим началом и развлекательной концовкой. Таким образом, ситуацией овладели, а страх отправлен в самый кромешный уголок детской души, где скрывается и выжидает удобного случая, чтобы появиться снова.

Преодоление детского страха постигается и через **народную игру «Чёрный человек»**. Дети выбирают «чёрного человека» и «мать». «Мать» посылает их в подвал взять что-то, и они сталкиваются с ним, получая конкретную угрозу – «чёрный человек» придёт съесть их в назначенный час. Все держат себя за руки и скандируют: «Один час прошёл, чёрного человека нет, два часа прошли...». При назывании назначенного часа пускают свои руки и бегут, а «чёрный человек» преследует их. Схваченный ребёнок должен выполнить какое-то желание.

Джанни Родари в своей «Грамматике фантазии» разрабатывает целую **систему убавления агрессии предметом** путём произвольной предствки. Смехотворные сочетания предрасполагают детей к доброжелательному настроению: мини-собака, полу-привидение, заместитель вампира. Уменьшительные имена имеют тот же эффект: волчонок, душок, скелетик. По идее студентов в больших группах проводится **игра «Охотники духов»** – охотник стремится поймать маленьких духов, которые при следующем выполнении превращаются в охотников.

Игра продолжается, пока будет пойман и последний маленький дух. Хорошо знакомого и симпатичного детям персонажа из анимационного фильма – маленького духа Каспер, можно вводить в ряд ситуаций, что позволяет варьировать способ «**введение героя**».

Наряду с некоторыми нестандартными способами, которые педагог применяет в таких случаях, он спокойно может оперировать классическими методами и формами организации работы в группе. При **выборе произведения с тематикой, связанной со страхом** – например, «Страх» И. Буржева, «Молодецкий рев» В. Ив. Стоянова и других – он проводит **беседу** о страхе: чего и почему боятся дети, должны ли они стыдиться этого и т. д. По ходу ситуации с подобной ориентацией успешно применяется и **комментарий** после наблюдения иллюстрации – например, женщина, запертая в клетке, обращается спиной ко льву, но кричит от страха при виде мыши.

Подходящими для «приземления» страшных историй и их пародий являются книги Роланда Даля («Ведьмы», «Г. Д. В»), а также и «Маленький Вампир» А. Зомера – Боденбурга, которые через подобранные отрывки могли бы иметь позитивное воздействие на детей дошкольного возраста. Через них учитель может объяснить, что чудовища, духи, привидения и другие являются детьми человеческого воображения и ими когда-то пугали детей, чтобы были послушными, не уходили далеко от дома.

Индивидуальные разговоры, внимательное выслушивание заторможенного от страха

ребёнка, деликатные советы помогают преодолению состояния тревожности. Они являются мостом к взаимному пониманию между педагогом и воспитанником. Родителей тоже следует приобщить к усилиям учителя использовать детскую энергию и желание творчества, которую можно направить на более продуктивные и стоимостные жанровые формы. [5]

Предложенные нами способы и приёмы применяются не комплексно, а вариативно. Их выбор полностью зависит от педагога, от его оценки состояния ребёнка – является ли он «заложником страха», или его интерес к страшным историям является выражением обычного любопытства. На плечи учителя ложится огромная ответственность восстановить хрупкое душевное равновесие малыша и приобщить его к более жизнерадостным проявлениям детского коллектива, которые доставляют ему эстетическое наслаждение и моральное удовлетворение.

Наша исследовательская работа позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Страшные истории имеют право на жизнь в дошкольном возрасте, но учителю нельзя допускать их «чрезмерных доз» в репертуаре ребёнка, потому что это приведёт к его затормаживанию и к состоянию перманентной тревожности.

2. Через систему хорошо обдуманых приёмов он может использовать в нерегламентированных ситуациях страшные истории как стимул для развития детской речи в направлении её эмоциональной выразительности и семантического обогащения.

Список литературы

1. Зайков И., Асенова З. Два петушка поссорились. Болгарские народные игры для детей. С., НМ, 1981. 151 с.
2. Родари Дж. Грамматика фантазии. С., НИ, 1981. 78 с.
3. Савова Е. Детские страшные истории и некоторые их трансформации // Проблемы болгарского фольклора. Т. 7. С., 1987. С. 141–149.
4. Сказки. Серия для детей и родителей. С., ПАН, 1991, кн. 3. 26 с.
5. Терзиева М. Фольклор для детей – специфика и присутствие в дошкольном возрасте. Пл., 1998. С. 23–28.

Spisok literatury

1. Zajkov I., Asenova Z. Dva petushka possorilis'. Bolgarskie narodnye igry dlja detej. S., NM, 1981. 151 s.
2. Rodari Dzh. Grammatika fantazii. S., NI, 1981. 78 s.
3. Savova E. Detskie strashnye istorii i nekotorye ih transformacii // Problemy bolgarskogo fol'klora. T. 7. S., 1987. S. 141–149.
4. Skazki. Serija dlja detej i roditelej. S., PAN, 1991, kn. 3. 26 s.
5. Terzieva M. Fol'klor dlja detej – specifika i prisutstvie v doshkol'nom vozraste. Pl., 1998. S. 23–28.

Статья поступила в редакцию 15 марта 2012 г.